

Сергей Журавлев
СОТОВАРИЩИ

СОПРИЧАСТНОЕ СТРАТЕГИРОВАНИЕ

и проектирование

через поиск ответов на вызовы
ВРЕМЕНИ ХАОСА

Санкт-Петербург • Москва • Минск

2024

Итоговое интервью с Игорем Задориным — социологом и исследователем деятельных сообществ

Наши с Игорем разговоры о деятельных сообществах ведутся уже лет как пятнадцать, то есть и знакомство-то наше состоялось из-за них. В тот период я специализировался на развитии городов и, в частности, городских сообществ и начинал сотрудничать с горожанами ЗАТО «Заречный», в 2009 году создавшими Клуб стратегического развития города. И тогда же Игорь начинал эксперименты с модерацией деятельных сообществ на основе опыта и программного обеспечения IBM. Наше знакомство и споры о будущем в кругу еще нескольких коллег привели и к созданию неформального сообщества «Интелполис» (еще до учреждения фонда «Сколково» и старта одноименного иннограда, членом градостроительного совета которого я позже стал).

В те времена темы развития гражданского общества и местного самоуправления были на пике популярности. Появились президентские гранты, и росло количество исследований городских инициатив. Внимания сообществам уделялось много. В частности, Агентство стратегических инициатив запустило ежегодный «Атлас муниципальных практик», в котором пристально отслеживалась активность городских сообществ.

В тех условиях и обсуждениях проявились первые гипотезы о значимой роли неформальных сообществ в развитии территорий и верификации стратегий. Неформальность, свобода самовыражения и суждений таких, как правило,

короткоживущих объединений, генерировали общественную энергию, выплескивавшуюся не только через оценки набравших политический вес блогерских «атак», но и в прямых действиях по обустройству пространств чаще всего вопреки, а не в пандан с местными и региональными властями. В те же времена я прочел «Право на город» А. Лефевра и наблюдал за формой западного протеста Оссиру... (изначально Occupy Wall Street в сентябре 2011 года).

К 2012 году в процессе модераторского участия в деятельности Клуба стратегического развития Заречного у меня сложилась устойчивая гипотеза о созидательной роли неформальных деятельных сообществ, выразившаяся в формуле городского согласия, о которой в книге я не пишу, оставляя тему в заделе анализа примеров сопричастного стратегирования.

Собственно, и представленный ниже диалог с Игорем Задориным был задуман как «мостик» от гипотезы о росте значимости сопричастного стратегирования к гипотезе и книге о созидательных — деятельных сообществах как ключевых акторах сопричастного стратегирования и проектирования, которые способны быстро зажигаться идеями, пробовать незамедлительно их реализовать на «почве» и нуждаются в дальних ориентирах, помогающих более хорошо сорганизоваться и оценить, насколько вложения этих сообществ полезны для лучшего и желаемого будущего.

Итак, поговорим о феномене, роли и перспективах деятельных сообществ (**И.** — Игорь, **С.** — Сергей).

И.: Читая твою рукопись, я начал видеть что-то о деятельных сообществах только с раздела 4.7.

С.: Потому что весь раздел посвящен групповым отношениям, и поэтому подводка к деятельным сообществам длинная — занимает все предыдущие разделы.

И.: А место, где начинают упоминаться деятельные сообщества, находится в подразделе с заголовком «Рефлексируем». Мне кажется это странным ввиду того, что групповое действие в рефлексии — не самое главное ее свойство.

Потому что рефлексия, если обращаться к работам методологов имени Георгия Щедровицкого, — это, по сути, индивидуальный процесс.

С.: Но я-то методолог не от клуба Щедровицкого. И мы-то, например мастера Школы гуманитарного катализа (как модераторы и методологи), занимаемся рефлексией групповой и коллективной. В том смысле, что индивидуальная рефлексия эффективна в группе. Как, например, анонимные сообщества. Это всегда групповое извлечение разных точек зрения или разных эмоций. Только оно в группе и имеет ценность. В одиночестве же можно зарефлексироваться до психопатии.

И.: Так вот именно это и не объяснено. Потому-то здесь и начинаются мои сомнения. Ведь в чем самая главная мысль о деятельном сообществе? В том, что в нем индивидуальная субъектность заменяется или расширяется до коллективной. И в этом смысле рефлексия только потому групповая, что появляется групповая субъектность. Эту мысль, этот переход надо всегда пояснять. Ведь субъект в оригинале — это некий индивид, который обладает тремя свойствами одновременно и обязательно (если есть одно или два из них, то это не субъект).

- *Первое.* Он способен к целеполаганию, то есть осознает свою текущую позицию, свои интересы и возможные цели и рефлексировывает из этой позиции.
- *Второе.* Он обладает определенными ресурсами для достижения своих целей и интересов, осуществления определенной деятельности.
- *Третье.* Он осуществляет эту деятельность (в своих интересах и с определенной целью), то есть он активен.

У нас же довольно много людей-индивидов, которые, например, имеют интересы, но не имеют ресурсов для их реализации. Или имеют ресурсы и активничают, но без всякой цели, смысла и рефлексии! Это неполноценные субъекты, недосубъекты...

В деятельные же сообщества входят прежде всего субъекты-индивиды, которые в процессе формирования сообщества: а) согласовывают цели и интересы и переводят их в общие цель и интересы; б) складывают ресурсы, дополняя друг друга; в) формируют общую деятельность в деятельность

сообщества, в которой каждый индивид делает что-то самостоятельно, но оно при этом становится деятельным субъектом.

И этот переход из индивидуальных субъектностей в деятельную общую субъектность очень сложен. В нем и заключается самое главное свойство (но и самая главная трудность в обретении этого свойства) для сообщества, когда происходит согласование интересов, сложение ресурсов (без обмана!) и осуществляется общая деятельность. Этим свойством деятельное сообщество отличается от других совокупностей отдельных индивидов, например толпы. В ней тоже есть общая активность и даже кратковременная общая цель, но не складываются ресурсы, в ней нет согласований и не происходит рефлексия. Или возьмем жителей определенного села. Их совокупность тоже может быть сообществом в смысле внутренней коммуникации (все друг друга знают, все общаются), но нет совместной деятельности.

Я обычно строю для себя такую последовательность становления деятельного сообщества: а) есть совокупность людей, но нет устойчивой горизонтальной коммуникации, значит, нет сообщества; б) по какой-то причине возникает интенсивная коммуникация и складывается сообщество, но оно еще не деятельное; в) в сообществе возникает некая общая цель, и ради ее достижения индивиды готовы в складчину приступить к совместной деятельности, распоряжаясь совместным ресурсом ради удовлетворения и личных, и совместных интересов, — тогда и возникает деятельное сообщество.

Ведь вся твоя книга — о стратегировании, и эту последовательность образования деятельных сообществ было бы рационально прописать, поскольку стратегирование предполагает субъектность как само собой разумеющееся. А иначе кто, как не субъект, способен быть стратегом?

С.: Поясню свою логику. Во-первых, стратегирование в ней есть постоянный процесс без конечного результата, есть только промежуточные. Во-вторых, стратегирование сопричастное, то есть субъектностью обладают все его участники, а не один субъект — стратег или заказчик, как это принято в традиции.

И.: Хорошо. Но если мы говорим о сообществе, обладающем субъектностью, то вот этот переход в коллективную субъектность надо показывать, доказывать, аргументировать.

В связи с твоим текстом я перечитал свою статью 2012 года, которая была написана по результатам одного из первых наших экспериментов¹, а именно складывания деятельного сообщества «Открытое мнение». В статье описаны четыре этапа формирования деятельного сообщества в рамках одного конкретного проекта. Приведу один фрагмент. Довольно много есть примеров, когда люди в своей жизни, чтобы добиться серьезного успеха, опираются на групповые усилия. Случаев, когда индивид добился чего-то сам, в одиночку, гораздо меньше. Так сложилось исторически, человечество всегда существовало в рамках групповых (межгрупповых) взаимодействий. От племени и рода до корпораций и прочих коллабораций. Так вот, типовой пример группы: в ней есть лидер (-ы), который (-е) берет (-ут) на себя функцию субъектности группы, и сумма людей, которые существуют внутри группы бессубъектно (зачастую как ресурс). Большинство членов группы участвуют, осуществляют какую-то деятельность, но, строго говоря, не формируют цели, в некотором смысле растворяются в целеполагании лидера. А лидер вносит идею, замысел «проекта», вовлекает новых участников в общее дело. Строго говоря, он определяет судьбу группы.

Так вот, в той статье я написал, что «в деятельном сообществе, когда лидер привносит [в группу] замысел, идею, то это его безвозвратная инвестиция». То есть он передает замысел сообществу безвозвратно, отчуждает его от себя. Замысел перестает принадлежать ему.

С.: Если безвозвратно, то возмездно ли?

И.: В деятельном сообществе, в отличие от лидерского (лидер остается автором идеи и деятельности), чтобы появилась коллективная субъектность, лидер должен отдать свое всем. Он потом, конечно, получит какое-то удовлетворение от деятельности сообщества, но после передачи идеи перестает быть ее лидером, перестает руководить, в лучшем случае может модерировать. И ты в книге проводишь эту разницу между лидерством и модераторством. Зато он получает несоразмерно больше! Вот представь кооператив. В нем, конечно, есть

¹ Задорин И. В. Профессиональное проектное сотрудничество в среде социологов. Эссе об одном эксперименте // Социологический журнал, 2012. — № 1 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.journal-socjournal.ru/index.php/socjour/article/view/457>.

лидеры, люди с разными вложениями. Но всем достается одинаковое право на возврат их доли. Возвратность — это отдельный процесс, и я его в статье тоже описываю как отдельный четвертый этап, возврат инвестиций. Он чрезвычайно сложен в деятельном сообществе, в известной степени там работают принципы не строгой соразмерности вложению, там ценности сохранности самого сообщества становятся выше профита соответствия инвестициям. Что я увидел в том эксперименте? Лидеры, вкладчики, инвесторы социального капитала, трудового капитала, финансового капитала, во-первых, становятся сопоставимыми, то есть вложения разных типов капитала (кто-то принес идею, кто-то принес свой труд, кто-то принес деньги, кто-то принес связи) — это объединение ресурсов, о котором я сказал в самом начале. Ресурсы там разные, и возвратность этих инвестиций тоже очень разная. Поэтому кто-то получил на свою инвестицию какой-то творческий возврат (то есть ему было интересно работать), кто-то — знания, кто-то — деньги, кто-то — те же самые связи (то есть социальный капитал), которых он не получил бы, не войдя в это сообщество. В деятельном сообществе, на мой взгляд, как раз работают только вложения разных типов капитала и возвратность разных типов капитала, в отличие от «обычного» предприятия, где вкладывается прежде всего финансовый капитал и происходит соответствующий возврат в финансовой форме. Но это вторичное свойство, которое надо отметить. А первичное свойство — это то, что появляется эта коллективная субъектность.

Есть разные работы, в которых описываются эти *community of practice*. В них говорится, что все бывает по-разному, конечно... Кстати, Сергей Карелов, который создавал Witology¹, писал, что, когда появилась первая концепция *community of practice*, то есть таких деятельных сообществ, в которых есть норма: накладывалось табу на любое руководство, никто не должен руководить, все только «горизонтальное», плоская структура, все принимают решения совместно. Но уже через какое-то время в этих сообществах поняли, что

¹ Witology (ООО «Витология») — российская инновационная компания, предлагающая своим клиентам услуги по решению сложных интеллектуальных бизнес-задач с использованием технологии краудсорсинга. На основе собственной методологии и краудсорсинговой площадки Witology компания создает онлайн-сообщества с новыми принципами взаимодействия и обширными возможностями для масштабной коллективной интеллектуальной работы.

человеческая природа все-таки не терпит полного равенства, и появилась концепция community management — управления типа модерирования, особый менеджмент, который предполагает не отдачу указаний, а, скорее, либо вовлечение в деятельность через личный пример, либо через какое-то хитрое согласование интересов создание такого поля убеждения, которое вовлекает, стимулирует коллективную деятельность в определенном направлении не через отдачу указаний и осуществление наказаний за их неисполнение. И это третья важная мысль, об особом типе управления сообществом. В твоём тексте говорится «модерация», но не разъяснено, что это особый тип управления, свойственный деятельным сообществам.

С.: Спасибо, что уточнил.

И.: Мы все равно говорим о том, что там, где есть коллективная субъектность (это первое и главное свойство деятельного сообщества), есть и вопрос о соединении ресурсов, инвестиций и потом, соответственно, получении профита (второе важное свойство). Третья мысль, которую я хотел озвучить, такова: надо говорить о том, что в любой деятельности есть управление, и деятельные сообщества отличаются особым типом управления, называемым, условно говоря, модерацией.

С.: У меня этот тип управления закреплен в понятии «модерирующий стратег» как новый управленец, который координирует много субъектов, движущихся в направлении замысла, тем самым осуществляя стратегирование через разные форматы коммуникации (поэтому он и модерирующий), в которых либо возникают совместные действия, либо остаются индивидуальными какие-то части действий, которые все равно работают на замысел. И инициатор замысла, хоть и отдает, как ты правильно говоришь, безвозвратно сам замысел, перестает быть его владельцем, но при этом все равно преследует личный интерес. И от реализации замысла и он за счет синергии, объединения ресурсов получает удовлетворения своих интересов больше, чем если бы, например, взял и свою компанию, свою узкую группу зарядил на реализацию некой написанной им стратегии. Это мысль, пронизывающая весь текст. И здесь есть сложность, которую я бы хотел в связи с этим обсудить с тобой. Этот формат перехода из индивидуальной субъектности в коллективную

субъектность деятельного сообщества не просто сложен — он очень сложен. Еще раз: если ты переходишь в коллективную субъектность, то должен утратить собственную, а как быть в этом случае, если ты не подчинен?

И.: Вот, отлично. Я все время говорю об этом совсем в других обстоятельствах, так скажем, когда, например, обсуждаются вопросы интеграции стран. Говорится, вот мы идем к союзу, к интеграции, к такому евразийскому союзу, как Европейский союз и т. д., и при этом мы сохраняем наши суверенные независимые государства. А я всем говорю: «Так не бывает! Разве вы не понимаете простую мысль, что, вообще-то говоря, интеграция невозможна без снижения собственной суверенности?»

С.: Вот-вот.

И.: И тут все заходят в тупик: а действительно, никак не получается совместить интеграцию/объединение и полный суверенитет. Получается так: для появления этой коллективной субъектности, то есть чтобы стать, условно говоря, Европейским союзом, отдельные страны вынуждены признать (и с пониманием должны относиться к этому), что теряют часть собственного суверенитета, делегируют его «объединяющим структурам». И действительно, там должны быть продуманы какие-то механизмы метауправления и обеспечения метасуверенности. Во-первых, должно быть понимание, что каждый вносит в «общий котел» ресурсы, в некотором смысле теряя право на них и, соответственно, снижая собственный суверенитет, передавая часть его либо некоторым коллективным органам, либо модератору, либо еще кому-то. Кстати, я всегда в таких случаях вспоминаю старообрядческие общины беспоповцев, к которым сам частично принадлежу по генезису, поскольку моя родня как раз относится к православному Поморскому согласию.

С.: То есть ты крещен в староверческой церкви?

И.: Да, именно в Древлеправославной Поморской церкви. И я редко, но попадал на служения и на общие молебны. У меня даже один из родственников в Москве является наставником в отдельной общине. Так вот, что такое наставник в беспоповской староверческой общине? Он такой же, как все, он не священник, не присланный откуда-то, как в той же РПЦ или старообрядческой церкви Белокриницкого согласия (там есть священники, в общину присылают

священника так же, как в РПЦ, и он руководит общиной). А у беспоповцев наставника выбирают. Почему выбирают? Он лучше знает книги, лучше знает службы, ему доверяют, но он равный во всем остальном. И они в такой общине пытаются в некотором смысле соблюдать горизонтальность и равенство. Это довольно сложно и фактически осуществляется только через такое понятие и механизм, как «авторитет», а не через «статус».

И сейчас я перейду к четвертой важной мысли. Мы ведь говорим о перспективах деятельных сообществ. Так вот, когда мы занялись этой темой, у нас ведь была идея, пришедшая из западной литературы, что эти деятельные сообщества могут создаваться на базе бизнес-компаний.

С.: Предполагалось, что формирование деятельных сообществ увеличит эффективность организации.

И.: Да. Вот есть компания, которая построена по стандартному иерархическому принципу и жестко очерчивает круг своих работников (сотрудников), но так или иначе должна задействовать в своих интересах еще и некий внешний круг, выходящий за периметры компании. Там (вовне) много полезных фрилансеров, нужных фан-клубов, надо ими как-то руководить, а это возможно только через такого рода сообщества, когда их интегрируют в контур компании, но не в рамках сложившейся иерархической структуры. Это означает, что сложившаяся иерархическая структура так или иначе тоже должна начать делегировать довольно много полномочий вниз и за периметр, должна становиться более «плоской», должна начинать работать в этом круге сообщества в формате авторитета, убеждений, а не на уровне указаний, статусов — «я начальник, ты дурак». И ресурсами должна делиться. И вдруг выяснилось, что это сильно противоречит культуре и природе бизнес-менеджмента и вообще культуре почти всех существующих организаций, особенно государственных организаций, учреждений и т. д. В них твой рост и твои профиты сильно (принципиально!) зависят от статуса, а он — от того, что ты на самом деле не делишься ни информационными, ни иными ресурсами, спускаешь вниз не полномочия, а указания. Ведь полномочия ни в коем случае нельзя отдавать: как только ты это сделаешь, передашь какие-то ресурсы вниз, грубо говоря, тебя тут же и подсадят. И всё, это направление мысли — «бизнес как сообщество», — рухнуло и у нас в России

вообще никак не пошло, нигде нет примеров, чтобы бизнес-организации начали работать, хотя бы как-то отдаленно напоминая сообщества, при всех лозунгах «мы одна команда».

С.: Посмотри на ЭФКО, они так строят идеологию, они пытаются.

И.: Пытаются. Но в памяти есть несколько примеров, когда предприниматель, иницилирующий такие изменения, в конце концов разоряется.

С.: Ну да, это опасно, я тоже так думаю. Экспериментировать на основной компании чревато, лучше делать боковик (дочернюю или формально неаффилированную компанию), а потом его...

И.: В общем, не получается сообщество на основе бизнеса. Это против укоренившейся человеческой культуры.

С.: И природы.

И.: Да. Поэтому мы, поняв это за год, перешли в некоммерческий сектор, предполагая, что там такого рода форматы деятельных сообществ будут более естественны. А что это означает? Что не может быть больших сообществ, они все небольшие в некоммерческом секторе, и понятно, что круг задач, которые они могут решать, существенно меньше, чем в бизнес-секторе. Хотя надо сказать, что появились разного рода неформальные профессиональные сообщества в онлайн¹, и они действительно большие. Но тут я перехожу к следующей мысли, которая у тебя проскакивает, по поводу разделения на разные типы сообществ. Правда, ты это так странно назвал. Для меня это странное название — доверительные сообщества, поскольку я в принципе не относил это к деятельным сообществам, хотя, наверное, это может быть. В своих выступлениях относительно деятельных сообществ я всегда говорил, что такое сообщество обязательно не просто ориентировано на продукт, оно его обязательно производит. А сообщества, которые ты называешь доверительными, ограничиваются коммуникацией и удовлетворением отдельных индивидуальных интересов.

¹ Задорин И. В., Мальцева Д. В., Полукеев О. А. Деятельные сообщества в онлайн-среде для совместной профессиональной деятельности // МММ, 2012. — № 6.

С.: И тем не менее они объединены неким смыслом, у них есть потенциал превращения обсуждения и доверия в действие, поэтому я рассматриваю их. По большому счету созидательность без доверия сложна, а доверительная стадия формируется до действия, как правило. Поэтому я рассматриваю их как связанные.

И.: Я понял это как некий предварительный этап.

С.: Скорее, мотивирующий, да.

И.: Я также в той статье 2012 года написал, что доверие — тоже один из ресурсов, которым обмениваются люди, входя в это самое сообщество. Доверие в некотором смысле не свойство, а ресурс. Просто понимаешь, почему я спорю по поводу названия? Потому что доверие и созидание — в некотором смысле из разных плоскостей: доверие как ресурс, а созидание как цель. И если просто разделить сообщества по целеполаганию, то целью доверительных, в твоей терминологии, сообществ является общение, коммуникация, но не производство. Такого рода структуры издавна назывались клубами.

С.: Давай чуть вмешаюсь. Если это клуб анонимных алкоголиков, то у клуба коммуникация вроде бы первична, но у каждого алкоголика цель превалирует над клубом — перестать пить, перебороть себя с помощью коммуникации и доверия, я там могу быть искренним, эти люди пережили столько же, сколько и я, я могу им довериться и рассказывать без оговорок или без стеснения то, что со мной происходит. И в этом случае в доверительном сообществе все равно есть и созидательная функция, но она индивидуальна, она субъектна. Понимаешь? Все равно созидательная составляющая там присутствует. Вот почему я их отношу к деятельным.

И.: Ясно. Просто там не хватает третьей части, то есть деятельности, которая выполняется, когда сообщество выступает субъектом по отношению к внешней среде, то есть созидание — это когда что-то происходит вовне. Пример об «анонимных алкоголиках» в этом смысле хороший, но «созидание» там внутри.

С.: Согласен. Вот берем киноклуб, все равно деятельное сообщество. Они сортируют кино, смотрят его, обсуждают, делают из этого какие-то личные вы-

воды — это деятельность, по большому счету. Ты прав, что созидательная деятельность, в отличие от доверительной, ориентирована вовне, меняет мир.

И.: Смотри, мы тут не спорим по поводу смысловых различий. Я оспариваю только собственно название, поскольку смыслом того, что ты называешь доверительным сообществом, является общение, коммуникация. Я бы даже так сказал: почему, например, в английском языке есть *community of interest* — сообщество интересов, увлечений, а есть *community of practice* — деятельное сообщество, то есть сообщество практики? Можно было бы по аналогии так сказать: есть сообщества общения и есть сообщества деятельности. Если бы установить такое разделение, то было бы понятно. Киноклуб — сообщество общения, или, как говорили в конце 80-х, клуб по интересам.

С.: Оставляя все же свое определение, соглашусь, что термин «доверительные сообщества» можно трактовать и как «сообщества доверительного общения».

И.: Вот, например, филателисты. Это, в моем понимании, сообщество общения, они ориентированы не на то, чтобы что-то создать вовне, то, чего еще не было, скорее только на обмен, коммуникацию. У меня вот такие марки, а у тебя вот такие марки, давай обменяемся и пообщаемся по поводу того, какие у нас коллекции.

Резюмирую. Надо отдельно прописать необходимость перехода от индивидуальной субъектности к коллективной...

С.: Появление коллективной, с делегированием вниз безвозвратно не только замысла, но и части собственной субъектности. Правильно?

И.: Именно, передачи части собственной субъектности и собственного суверенитета. Вторая мысль — по поводу хитрости механизма обмена ресурсов, поскольку в этом деятельном сообществе действительно вкладываются самые разные типы ресурсов. И вопрос о возвратности инвестиций. Но он для сообщества особый, не решенный каким-то общим правилом, то есть в известной степени надо придумывать каждый раз отдельно и согласовывать, каким образом для каждого сообщества и/или проекта будет осуществляться эта самая возвратность. Третья мысль — по поводу горизонтального типа управления.

С.: Которое требует коммуникатора, а не руководителя.

И.: Да. Понятно, что управление всегда существует в любых видах человеческой деятельности, но здесь оно особое, называемое community management. Этот менеджмент выступает в виде модерации, через убеждение, через создание такого поля, которое стимулирует определенную деятельность, а не через руководство, которое обязательно прописано во всех учебниках обычного менеджмента. Планирование и целеполагание заведомо осуществляются коллективно.

Наконец, четвертая мысль по поводу перспектив деятельных сообществ. Да, действительно у таких сообществ есть перспективы, но они, по всей видимости, должны складываться в тех сферах, где не ступала нога иерархических структур и где сама культура этой деятельности допускает горизонтальность и плоскость структуры. В предприятиях она не допускается, там вообще другая мотивация.

И еще несколько частных соображений.

Например, ты пишешь: «Для участников таких сообществ знания друг о друге непринципиальны». Я не знаю, если честно, таких деятельных сообществ, где эти знания непринципиальны, именно потому, что ты сам говоришь, что доверие здесь один из важнейших ресурсов. И как раз я придаю этому большое значение. Переход от совокупности, например, жителей села, проживающих на одной территории, к сообществу села как раз начинается с того, что люди начинают обмениваться первым, самым главным ресурсом — информацией друг о друге, на которой строится доверие. В этом смысле оно принципиально. И следующий шаг — переход в коллективную субъектность — не происходит без знания о том, с кем ты вступаешь в эту коллективную субъектность.

Создается, скажем, Европейский союз. Там как раз с самого начала столько требований к тому, что каждый вступающий в союз должен рассказать о себе.

С.: Да, открыться.

И.: Он — потенциальный участник союза — просто прозрачным должен быть, должен обеспечить эту транспарентность, прежде чем рассчитывать на блага этого союза.

С.: Я слышу это, но, с другой стороны, я смотрю на примеры неформальных сообществ, которые импульсные, которые действие ставят впереди всяких откровений. Это действие, очень эмоциональное, энергетически заряженное, совершается людьми в формате флешмоба или волонтерства, в котором, а скорее, после которого они пытаются выяснить, кто соучастники, почему, в рефлексии, в созидательных моментальных образованиях. А долговременные, я с тобой здесь полностью согласен, без полного вскрытия невозможны.

И.: Я как раз поэтому флешмобы и прочие формы ситуативной солидарности и не называю сообществами принципиально. Они и не являются сообществами, поскольку в них нет устойчивой коммуникации друг с другом.

С.: Но они могут быть связаны и созидательной деятельностью.

И.: Тогда они должны знать друг о друге.

С.: Я об этом еще буду думать, поскольку, повторяюсь, в рефлексии, действительно, после совместного действия очень хочется друг друга узнать. Это как первая любовь: сначала обалдели друг от друга, а потом — кто оно такое?

И.: На мой взгляд, это спорный момент.

С.: Вероятно, деятельные «до взаимодоверия» сообщества надо рассматривать как третью форму — короткоживущую, импульсивную, поскольку сейчас сама жизнь требует кратких форматов, и их нельзя игнорировать, вот что я пытаюсь доказать. В книге я пишу о том, что сопричастные как свободные радикалы: стукаясь в пространстве замысла друг о друга, то слипаются на время, то разбегаются, и эти слипания обладают избыточной энергией. И это деятельное слипание если не считать сообществом, но тогда чем? Когда оно мощное, деятельное, созидательное, оно оставляет свой след и двигает всех вперед. Да, оно не живет, люди там не хотят терять субъектность, но в моменте, в кратком периоде, в напряжении желаемого действия они все-таки коллективный организм.

И.: Да, но это не сообщество.

С.: А как это назвать?

И.: Надо подумать.

С.: Подумай, поскольку я не могу это игнорировать. Это сегодня скорее превалирующая форма активности, чем устойчивое сообщество.

И.: Она не превалирующая.

С.: Пока. Стробоскопическая форма существования все больше...

И.: В том-то и дело, что такого рода явления как раз потому начинают появляться чаще, чем реальные деятельные сообщества, что люди не готовы личный суверенитет вкладывать как ресурс...

С.: Вкладывать вдолгую, инвестировать не готовы.

И.: Да, абсолютно. Они готовы в моменте отдельно, коротенько объединиться и тут же отвалиться. Мы с Александром Филипповым в последнее время довольно часто обсуждаем мысль, что в настоящее время в обществе возможна только ситуативная солидаризация. Это большой вопрос. Есть, кстати, концепция, в которой считается, что как раз все развитие человечества движется в сторону индивидуального суверенитета.

С.: Но рост суверенности — это же благо, это же человеческое завоевание.

И.: Это завоевание сейчас вызывает все больше сомнений ☺.

С.: Но этим завоеванием надо правильно распорядиться, надо его все-таки направить в какое-то русло. Например, мультигендерность тоже отсюда.

И.: Потому что это ломает человеческую природу, она общественная, в ней предполагается...

С.: Давай, чтобы долго не обсуждать (поскольку я точно не упакую такую глыбу в эту книгу), может быть, мы все-таки всерьез подумаем, что-нибудь совместное насочиняем на этот счет, ведь это же вызов. Я очень мало вижу тех, кто способен вообще думать и работать с такими короткоживущими элементами субъектных слипаний, а оно есть, и жесткое.

И.: Хорошо. Договорились.